

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ: УГРОЗЫ РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ¹

Современная Россия, несмотря на масштабность изменений в политической системе и экономических отношениях, до сих пор характеризуется многими аналитиками в России и за рубежом как страна и общество «переходного типа». Не в последнюю очередь это связано с «недооформленностью» ее политической системы и, как следствие, с периодически возникающей актуализацией проблемы (реальной или мнимой) выбора между демократией и авторитаризмом. Начиная с 1991 г., эта проблема возникала неоднократно.

Причем скептический подход к перспективам российской демократии становится интеллектуальной «модой». Его демонстрируют и «традиционалисты», делающие акцент на неприменимости, отторжении российской «почвой» любых западных моделей развития, и транзитологи, видящие в качестве целей развития России достижение неких «универсальных демократических стандартов». По мнению, например, Г. Вайнштейна еще не факт, что большинство стран, в том числе и Россия, в действительности находятся на некой «промежуточной» станции своего пути трансформации, а не в конечном пункте того развития, на которое они оказались способны. И в этой связи действительной проблемой российской демократии является, как это ни прискорбно признать, не столько ее совершенствование в соответствии с классическими стандартами, сколько сохранение того, что уже достигнуто². Еще более определенно и резко на эту тему высказываются некоторые аналитики в России и за рубежом, трактуя преследования представителей крупного бизнеса, ограничения свободы СМИ, снижение роли политической оппозиции и т.д. как свидетельство авторитарного перерождения путинского режима.

Все чаще звучат голоса и тех, кто в числе «носителей» угроз демократии называет не только власть, но и общество, которое в ней разочаровалось и якобы жаждет наведения порядка жесткими авторитарными методами. В действительности, однако, ситуация выглядит не такой однозначной и одномерной. Прежде всего, не стоит спешить с утверждениями об отторжении российской «почвой» демократических институтов и ценностей. Отношение населения к этим проблемам более сложное и неоднозначное.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 03-03-00233.

² См.: Вайнштейн Г. Российский транзит на фоне глобальной демократизации. В сб.: Демократия и демократизация на рубеже веков. – М., 2000. С.145, 146.

Как показывают исследования ИКСИ РАН³, россияне сохраняют приверженность многим демократическим ценностям и институтам, отмечают их значимость для жизни страны и для собственной жизни. В частности, большинство россиян (45%) продолжает считать, что «демократические процедуры очень важны для организации жизни общества», тогда как не согласных с этим существенно меньше (19%). Одновременно за последние 8 лет доля тех, кто считает эти процедуры необходимыми, снизилась более чем на 10% и составляет сегодня менее половины населения (рис. 1).

Рисунок 1

Опросы не фиксируют тотального отторжения тех ценностей, запрос на которые сформировался в конце 80-х – начале 90-х гг., то есть еще в период горбачевской перестройки. Имеются в виду реальная выборность органов власти, свобода слова и печати, свобода передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свобода предпринимательства. Единственным исключением является «многопартийность», значимость которой для большинства россиян сегодня сравнительно невелика (табл. 1). Снижение же значимости свободы слова и СМИ, свободы поездок за границу можно интерпретировать, по всей видимости, как свидетельство их укоренения в общественную жизнь, когда они перестают восприниматься как нечто необычное и экстраординарное.

³ В данной статье использованы результаты исследований Института комплексных социальных исследований Российской академии наук (ИКСИ РАН), проведенных в 1995- 2003 гг. Исследования проводились по респрезентативной всероссийской выборке (в среднем N = 1755 чел.) в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел, в 11-ти территориально-экономических районах страны, а также Москве и Санкт-Петербурге среди представителей 11 социально-профессиональных групп населения с соблюдением квот по полу и возрасту.

Таблица 1

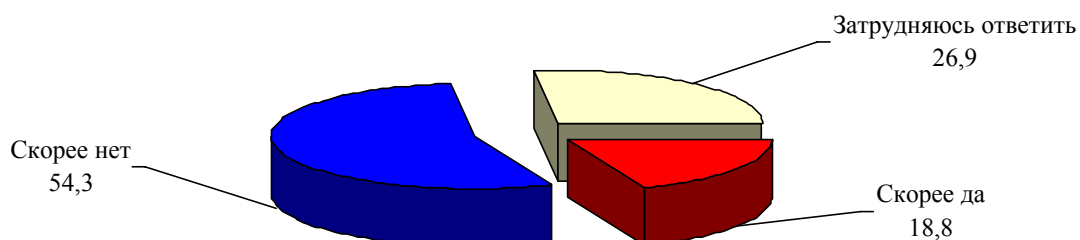
Оценка элементов современной демократии в 1997-2003 гг. (в %)

Элементы демократии:	1997		2000		2003	
	Важно	Не важно	Важно	Не важно	Важно	Не важно
Многопартийность	39,2	36,1	26,4	49,7	29,0	50,4
Наличие представительных органов власти	49,8	20,2	38,5	32,7	49,7	24,8
Свобода предпринимательства	62,6	15,7	56,9	21,8	62,3	18,5
Свобода слова и СМИ	85,8	5,1	77,3	9,9	74,6	11,8
Свобода поездок за границу	67,5	17,2	52,4	29,6	55,8	29,7
Выборность органов власти	75,6	9,2	64,2	15,2	76,5	10,4

Вместе с тем, разделяя позитивное отношение к демократии как социальной идее, эти же самые люди не ставят знак равенства между политическими правами и свободами и демократией как таковой и отказываются признавать произошедшие в стране преобразования демократическими. Таким образом, налицо **разрыв между установками на необходимость демократии (еще несколько лет назад широко распространенными в обществе), с одной стороны, а с другой, – невозможностью обнаружить ее в полном объеме в реальной действительности.** Сегодня лишь 19% россиян считают современную Россию демократическим государством, тогда как большинство (54%) убеждено в обратном (см. рисунок 2).

Рисунок 2

Можно ли считать современную Россию демократическим государством (в %)

При этом отношение наших сограждан к ценности демократии дифференцировано в зависимости от того, обеспечивает или нет система, именуемая демократической, рост жизненного уровня населения и реализацию социально-экономических прав граждан.

Представители высоко обеспеченных групп склонны рассматривать Россию демократической страной вдвое чаще чем средне обеспеченные, в 5 раз чем низко обеспеченные и почти в 10 раз – чем живущие за чертой бедности (доли тех, кто считает Россию демократической страной, в этих группах составляют 63, 29, 12 и 7% соответственно).

Существенную роль в снижении ценности демократической идеи играет и ее **«приватизация» экономической и политической верхушкой общества**. Так, 78% россиян считают, что «демократические процедуры – это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше богатства и власти». С противоположной точкой зрения о том, что «в делах страны многое зависит от простых сограждан», согласны лишь 23%. Причем, это соотношение практически неизменно с середины 1990-х гг.

Хорошо известно, что стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Как справедливо отмечает У. Бек, «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью. Простая истина гласит: политические свободы не бывают без материальной безопасности»⁴. И россияне, отказывающиеся в праве системе, которая не обеспечивает реализацию их социально-экономических прав, как мы видим, отнюдь не оригинальны. Так, например, известный американский исследователь К. Лэш небезосновательно утверждает, что, случись ситуация, при которой условия жизни в американских городах начнут приближаться к условиям жизни в странах третьего мира, демократии в Америке неизбежно предстоит утверждать себя заново⁵.

В то же время было бы неправильным считать, что люди, где бы то ни было – в России или любой другой стране мира, склонны рассматривать демократию исключительно потребительски, сквозь «призму» своего кошелька. Сравнивая посткоммунистическую Россию с другими странами, осуществляющими аналогичные реформы, опираясь при этом на исследования в этих странах, А. Мельвиль, например, отмечает, что далеко не везде ухудшение экономических условий сопровождалось снижением уровня поддержки демократических институтов и правительств, осуществляющих эти реформы. Это происходило в тех случаях, когда общество действительно видело, что власть, поддерживая

⁴ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 115.

⁵ См.: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: «ЛОГОС и ПРОГРЕСС», 2002. С. 69.

постоянный контакт с народом, в том числе и «разговаривая» с ним, делала все возможное в тех или иных обстоятельствах, но главное - руководствовалась соображениями общественного блага, а не собственной корыстью⁶. Ничего похожего в России все последнее десятилетие не наблюдалось.

С этой точки зрения можно констатировать, что общество разочаровалось не столько в самой демократии, сколько в своем политическом выборе, сделанном в начале 90-х годов. Осуществление социально-политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило карт-бланш Б. Ельцину, не оправдало ожиданий россиян, поэтому негативное отношение к нему было перенесено и на те демократические процедуры и институты, с помощью которых этот проект воплощался в жизнь.

Наконец, многие россияне отказывают сложившейся за последние десятилетия экономической и политической системе в праве называться демократической, поскольку она не обеспечивает реализацию их гражданских прав и свобод. Не случайно, при ответах на вопрос «Что есть демократия?» большинство населения отмечает в первую очередь равенство граждан перед законом (74,7%) и независимое судопроизводство (41,4% – см. рисунок 5). Причем, лидирующее место ценности равенства всех перед законом, по всей видимости, связано с ее традиционной для России «дефицитностью», а с другой стороны, – с разгулом коррупции и безнаказанностью чиновников, особенно усилившимися в последние годы. Очень важную в этом отношении закономерность выявила исследовательская группа Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.Лапина: в российском обществе ключевой проблемой является обратное отношение важности прав и свобод к их нарушаемости, т.е. чем важнее эти права, тем чаще нарушаются и с тем меньшим успехом удается их отстаивать. Речь в данном случае идет о «созвездии» очень важных и наиболее нарушаемых прав и свобод – равенство перед законом, право на безопасность и защиту личности, право на личную собственность, право на труд, право на образование⁷.

Из года в год растет в глазах общества значимость и такой ценности, как «небольшая разница в доходах людей»: за пять лет доля отмечающих ее выросла с 17,6 до 28,8%. Это еще раз подтверждает значимость социально-экономической компоненты демократии для российского общественного мнения (табл. 2).

⁶ См.: А.Мельвиль Политические ценности и ориентации и политические институты//Россия политическая, под. Ред. Л.Шевцовой, М., 1998, С.158

⁷ См.: Н.И.Лапин Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России//Социс, 2003, №6, С.83

Что из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы можно было сказать «Да, без этого демократии быть не может?» (в %)

<i>Элементы демократии</i>	<i>1998</i>	<i>2003</i>
Возможность свободно высказывать свои политические взгляды	37,2	39,6
Свобода печати	47,6	36,7
Свободные выборы власти	39,4	35,6
Свобода вероисповедания	23,7	20,2
Равенство всех граждан перед законом	53,9	74,7
Независимость суда	41,7	41,4
Наличие частной собственности	23,0	17,2
Избрание президента непосредственно народом	25,9	36,1
Наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство	20,6	14,7
Участие граждан в референдумах по важнейшим для страны вопросам	17,8	19,7
Свобода выезда за рубеж	17,7	15,1
Свободный выбор профессии	17,6	13,2
Небольшая разница в уровне доходов людей	17,6	28,8
Свобода передвижения по стране	16,8	9,3
Право выбирать между несколькими партиями	15,5	3,1
Участие рабочих в управлении предприятиями	12,9	14,3
Право на забастовку	11,9	5,5
Самостоятельность регионов страны	9,5	9,4
Свободное членство в какой-то политической партии	3,8	2,4
Подчинение меньшинства решениям большинства	3,0	4,5

Симптоматично и то, что в самом низу этой своеобразной иерархической шкалы ценностей демократии оказались позиции, связанные с участием в деятельности политических партий и их борьбой между собой. За последние пять лет доля респондентов, считающих важным право выбирать между несколькими партиями, сократилось с 15,5 до 3,1%. Снижается и значимость наличия в стране оппозиции, способной контролировать президента и правительство (с 20,6 до 14,7%). При этом сама идея выборности остается вполне востребованной, особенно когда это касается главы государства. На этом фоне результаты, а главное ход выборных парламентской и президентской кампаний 2003-2004 гг. (низкий интерес к парламентским выборам, провал оппозиционных партий и т.д.) не выглядят неожиданными.

Тот факт, что целый ряд политически значимых ценностей демократии действительно потускнели в восприятии очень многих россиян, часто рассматривается как свидетельство низкого уровня их политической культуры, что, в свою очередь, связывается с историческим наследием России и, прежде всего, с 70-летним периодом коммунистического правления. По

мнению, например, Л. Гордона и Э. Клопова, «из сознания народа оказалась искорененной сама память о тех зачатках демократических основ функционирования экономики и устройства общества, соответствующих нормам и традициях поведения и взаимодействия людей, роли в общественной жизни права, суда, частной собственности, представительной власти, свободы слова и т. д., которые постепенно начинали внедряться в социальную ткань дореволюционной России»⁸.

Между тем, все мы хорошо помним, что понимание того, что есть демократия, а что – нет, сложилось еще в дореформенные времена, а в период, например, перестройки, было одним из важнейших социальных факторов поддержки перемен. Даже западные наблюдатели признают своеобразие российского опыта демократизации, которое состоит как раз в том, что она осуществляется в стране, отнюдь не относящейся к категории «традиционных» в принятом смысле слова, поскольку еще в советский период Россия превратилась в индустриальную страну с относительно высоким уровнем урбанизации и образовательным уровнем населения. Причем, к числу существующих культурных предпосылок демократизации обычно относят как раз не отсутствие, а наличие в архетипах русской ментальности идеалов свободы и справедливости, которые в действительности никуда «не выветривались», но которые, безусловно, отличаются от своих западноевропейских и североамериканских аналогов.

Таким образом, можно констатировать, что восприятие нормативной модели демократии и ее основных ценностных слагаемых практически не отличается от общепринятого в мире. Во всяком случае, положение, при котором вера в идеалы демократии сочетается с отрицанием эффективности институтов, с помощью которых они реализуются, носят фактически повсеместный характер и являются первопричиной исчерпаемости прежней парадигмы демократии, о чем последние годы много говорят и пишут на Западе.

Специфика же российской ситуации заключается в том, что, несмотря на все разговоры о кризисе демократии на Западе, подавляющее большинство населения не подвергает сомнению ни сам факт ее существования, ни ее необходимость. В России же существование демократии до сих пор для многих не является очевидным, в том числе и потому, что идеальный образ демократии, сформированный на начальном этапе реформ, разошелся с реальной практикой социальных преобразований.

Есть и другое различие. На Западе кризис демократии и демократических ценностей связывают, прежде всего, с процессами глобализации и универсализации. Не случайно все

⁸ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социс. 1998. № 1. С. 21.

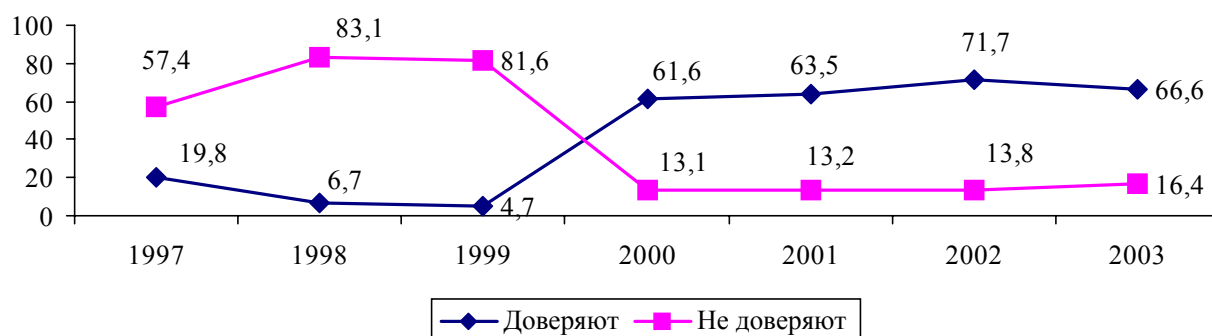
последние годы в науке и социальной практике идет постоянный поиск ее новых форм и экспериментирование во всех сферах социальной жизни с целью выйти за пределы традиционных, сложившихся в 20-м веке институциональных рамок развития демократии. У многих же российских наблюдателей складывается впечатление, что процесс демократизации в стране затормозился и попал в своеобразный замкнутый круг, когда «новые демократические политические институты не могут стать достаточно эффективными, поскольку не пользуются необходимой поддержкой со стороны массовых и элитных групп общества, а получить поддержку и легитимность эти институты не могут, поскольку в глазах большинства населения не являются эффективными, способными помочь в решении возникающих перед обществом проблем»⁹. В этой связи проблема субъектности, эффективности деятельности демократических институтов и, главное, их поддержка населением приобретают первостепенное значение.

Итак, одним из наиболее существенных показателей уровня развития любой демократической системы является степень доверия общества к существующим в стране государственным институтам и общественным объединениям, которые призваны представлять и выражать интересы различных групп населения. Анализ данных исследований, проводимых ИКСИ РАН на протяжении последнего десятилетия, свидетельствует о том, что характер этих взаимоотношений был и продолжает оставаться сложным и неоднозначным.

С одной стороны, в 2000 году с приходом к власти В. Путина, произошел перелом общественных настроений в отношении института президентства, и все последние годы уровень доверия к нему оставался достаточно высоким (см. рисунок 3).

⁹ Пантин В. И. Волны демократизации и перспективы развития демократических институтов в России. В сб.: Демократия и демократизация на рубеже веков. – М., 2000. С. 124.

Динамика уровня доверия Президенту РФ, в %

С другой стороны, в отношении к представительным органам власти (Совету Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания РФ), силовым структурам (за исключением армии), общественным формированиям (профсоюзам и партиям) никаких позитивных изменений за последние 6 лет не наблюдалось. Так, отношение к Государственной Думе практически не менялось ни в условиях, когда она была реальной оппозицией президенту, ни сегодня, когда она конструктивно сотрудничает с исполнительной властью. Таким образом, можно констатировать, что вся политическая конструкция современной России по-прежнему продолжает базироваться в основном на президенте, а сам институт президентства, в свою очередь, – на личности В.Путина (см. таблицу 3).

Таблица 3

Динамика доверия россиян органам власти и общественным институтам, в %

<i>Органы власти и общественные институты:</i>	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Президент РФ	19,8	6,7	4,7	61,6	63,5	71,7	66,6
Правительство РФ	16,0	24,0	13,2	29,5	33,6	33,7	29,6
Совет Федерации	12,5	19,3	20,6	15,6	19,3	21,3	20,8
Государственная Дума	13,2	15,4	12,2	12,8	15,1	14,8	12,8
Партии и политические объединения	6,5	8,3	6,8	6,6	9,8	9,5	5,7
Вооруженные силы (армия)	34,4	38,9	44,1	47,5	51,7	50,0	52,5
Религиозные организации (церковь)	27,7	26,0	32,2	32,5	32,8	37,7	37,8
Профсоюзы	15,7	20,9	19,9	17,1	17,1	20,4	22,9
Органы правопорядка (милиция)	15,0	17,6	19,2	16,5	15,4	15,5	17,9

Многими аналитиками такое положение вещей интерпретируется как очевидное сползание России к «управляемой демократии» и авторитаризму. Однако есть и те, кто

придерживается противоположной точки зрения, заключающейся в том, что только сейчас в России появляются настоящие возможности для развития органичной для России модели демократии. Между тем, представляется, что вопрос о перспективах демократии в нашей стране нельзя излишне персонифицировать. Конечно, верховная власть в России решает очень многое. Но в то же время массовое сознание, несомненно, уже начинает определять «коридор возможностей» для тех или иных действий властей. И это само по себе свидетельствует о наличии демократии в России, хотя при этом, конечно, многие установки, стереотипы массового сознания могут кого-то не устраивать. Кстати сказать, запрос на эффективное дееспособное государство отчетливо оформился после августовского (1998 года) дефолта, то есть почти за полтора года до появления В. Путина на высших государственных постах России.

Сказанное вовсе не означает, что никаких проблем, никаких угроз демократической перспективе в России не существует. Другое дело, что нельзя их отождествлять с трудностями, с которыми сталкиваются в последнее время часть бизнес- и политической элиты страны.

Говоря о факторах, способных в определенных условиях оказать сдерживающее влияние на процесс демократических реформ, следует иметь в виду, что часть из них действительно связана с действиями и стилем поведения власти, другие же коренятся в обществе, его установках и стереотипах. А некоторые и вовсе имеют отношение к социокультурным и историческим особенностям России, разным этапам ее развития, включая и самый последний. К таким, в частности, относится проблема, которая многим кажется не разрешимой, – как соединить идею демократии с идеей государственности, а эти идеи в свою очередь – трансформировать в эффективную дееспособную власть.

Как отмечает известный американский политолог С. Холмс в своей статье под характерным названием «Как слабость государства угрожает свободе», «зрелище политической дезорганизации в посткоммунистической России напоминает о глубокой связи между либерализмом и действенной государственной системой. Представление об автономных личностях, которые могут свободно осуществлять свои права, только бы к ним не приставало государство, опровергается тревожными реальностями новой России... Российское общество можно уподобить сломанным песочным часам: верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими – они их просто игнорируют»¹⁰.

В этой связи отнюдь не случаен дрейф, начавшийся в ельцинские времена, значительной части общества в сторону ценностей эффективного государства,

¹⁰ Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. С. 140.

справедливости, порядка и т. п. Некоторые наблюдатели оценивают это как рост авторитарных настроений в массовом сознании. Так, по наблюдению А. Галкина и Ю.Красина, при сопоставлении социологических исследований, проведенных различными научными центрами, «ясно просматривается главная тенденция, не вызывающая сомнений. За время, прошедшее между опросами конца 80-х — начала 90-х годов и второй половины 90-х годов, авторитарные настроения населения существенно возросли. И произошло это, очевидно, не за счет увеличения доли лиц авторитарного социопсихологического типа (что практически невозможно), а прежде всего под влиянием меняющихся обстоятельств, ситуационного фактора»¹¹.

Наши исследования показывают, что, например, за последние четыре года действительно заметно потускнела ценность «индивидуальной свободы», впрочем, и раньше, в 1999 г. идее «социальным равенством» отдавалось предпочтение делает выбор в пользу последнего (см. таблицу 4).

Таблица 4

Дифференциация предпочтений в выборе общества индивидуальной свободы или общества социального равенства, %

<i>Если Вам придется выбирать, в каком обществе жить – в обществе индивидуальной свободы или в обществе социального равенства – то, что Вы выберете?</i>		
	1999	2003
Общество индивидуальной свободы	28,5	19,2
Общество социального равенства	42,5	55,5
Затруднились ответить	29,1	25,3

При этом, как уже неоднократно отмечалось, большинством россиян востребовано вовсе не вульгарное равенство всех в нищете, а потребность в справедливой организации общественной жизни, равных прав и возможностей, в том числе и для личной самореализации. Не случайно столь высока дифференциация в оценках респондентов различных социальных групп, где идея индивидуальной свободы импонирует в основном высоко материально обеспеченным россиянам и молодежи, в то время как низко обеспеченные и живущие за чертой бедности, концентрирующиеся в старших возрастных группах, отдают предпочтение идее социального равенства (см. таблицу 5).

¹¹ Галкин А. А., Красин Ю. А. Авторитаризм или демократия: варианты развития. – М.: ИСПРАН, Издательство «Весь Мир», 1998. С. 38. – К характеристикам этого авторитарного типа исследователи относят неприятие индивидуальной свободы как самоценности, нетерпимость по отношению к инакомыслящим, стремление доминировать над зависимыми и подчиненными и т. п. – см. там же. С. 34.

Выбор респондентами различных социальных групп общества индивидуальной свободы или общества социального равенства, %

<i>Социальные группы:</i>	<i>Если Вам придется выбирать, в каком обществе жить – в обществе индивидуальной свободы или в обществе социального равенства – то, что Вы выберете?</i>	
	<i>Общество индивидуальной свободы</i>	<i>Общество социального равенства</i>
<i>Возраст:</i>		
До 21 года	47,5	32,0
22–26 лет	51,0	26,8
27–30 лет	32,3	34,6
31–40 лет	34,2	38,7
41–50 лет	21,8	54,2
51–60 лет	16,2	57,0
61 год и старше	10,9	66,9
<i>Материальная обеспеченность:</i>		
Высоко обеспеченные	62,5	12,5
Средне обеспеченные	38,0	37,7
Низко обеспеченные	19,4	54,5
Живут за чертой бедности	6,6	72,3

Также и при рассмотрении дилеммы «свобода – порядок» полученные в ходе опроса данные о предпочтениях в пользу «порядка» (62% против 38%), нельзя интерпретировать буквально, исключительно как запрос общества на «сильную руку», полицейщину. В данном случае «порядок» выступает альтернативой не демократии, а нарастающей неопределенности социального бытия, неконтролируемости многих социальных процессов, новых угроз и т. п. На это обстоятельство указывают многие исследователи. В частности, по оценкам Н.Лапина, не менее чем для половины населения одинаково важны и свобода(демократия) и безопасность(порядок); задача состоит в том, чтобы совместить их, закрепить такой социальный порядок, который в равной мере обеспечивает свободу и безопасность¹²

Также двойственное отношение сохраняют большинство россиян к роли государства в экономике. Разброс мнений достаточно высок, однако относительное большинство выступает за восстановление ведущей роли государства в определении общих «правил игры», и одновременно настаивает на максимально возможной экономической свободе на низовом уровне, на развитии частной инициативы. Такой точки зрения придерживается 39% опрошенных, тогда как сторонников жесткой централизации и абсолютно свободного рынка существенно меньше (см. таблицу 6).

¹² См.: Н.Лапин. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России//Социс, 2003, № 6. С.85.

Мнение респондентов о роли государства экономической жизни общества, %

<i>Какой тип государства по отношению к экономике в наибольшей степени отвечает интересам России?</i>	<i>%</i>
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	39,1
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	24,4
Тип государства не имеет значения, стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21,7
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	6,3
Трудно сказать	8,5

Не случайно поэтому в «споре» государства с некоторыми крупными нефтяными кампаниями по поводу перераспределения доходов от природных богатств страны большинство населения встало на сторону государства. Идея «нефтяной ренты» весьма спорна с точки зрения экономической эффективности, отвечает потребности значительного числа этих групп в справедливом распределении национального богатства. Именно поэтому ее поддерживают свыше 80% россиян.

В тоже время, показательным «процессам» над отдельными олигархами население не склонно доверять, так как уж слишком явственно за подобными «наездами» видны интересы их политических и экономических конкурентов. Да и само государство, особенно в лице своих правоохранительных органов, пытающееся обеспечить какой-то элементарный порядок, воспринимается обществом крайне настороженно. В этой связи «путинский консенсус», сформировавшийся в 1999–2000 гг., сегодня воспринимается обществом не как итог, а, наоборот, как некая исходная база для дальнейшего эволюционного, системного реформирования олигархическо-бюрократического строя, который достался В. Путину по наследству, но который, однако, в течении первого срока его президентства не претерпел особых изменений. И в этой связи можно предположить, что общество или, во всяком случае, его значительная часть, готово предоставить В. Путину карт-бланш на его второй президентский срок для более энергичных и, возможно, более жестких действий во имя наведения порядка в стране.

Представляется, однако, что прогнозы о свертывании демократии «по просьбам» широких трудящихся масс не имеют под собой серьезных оснований. Как явствует из данных, представленных в таблице 7, россияне в большинстве своем вовсе не собираются

отказываться от демократических завоеваний, даже в «обмен» на улучшение ситуации в стране, наведения в ней порядка.

Таблица 7

**Согласие/несогласие россиян
поддержать возможные меры по ограничению демократии
для скорейшего выхода страны из кризиса, в %**

<i>Возможные меры</i>	<i>Да</i>			<i>Нет</i>		
	<i>1995</i>	<i>2000</i>	<i>2003</i>	<i>1995</i>	<i>2000</i>	<i>2003</i>
1. Запрещение деятельности политических объединений и газет, которые выступают против нынешней власти	10,6	12,3	13,1	68,4	63,0	61,2
2. Изъятие у «новых русских» неправомерно нажитых ими состояний	45,2	62,6	56,2	35,6	20,2	27,5
3. Запрещение забастовок и других массовых выступлений	18,0	12,2	10,1	60,7	68,6	72,3
4. Ограничение свободы выезда из страны	10,3	12,5	11,6	74,5	70,3	70,0
5. Отмена на ближайшие годы всех выборов	12,4	19,6	15,6	62,7	57,7	62,0
6. Использование военных средств для преодоления конфликтов, грозящих целостности России	25,6	45,2	39,6	51,6	30,1	39,6
7. Приостановление деятельности парламента и сосредоточение всей власти в руках президента и правительства	18,1	17,2	26,9	50,6	49,9	43,2

Однако нельзя не видеть того, что на фоне беспрецедентно высокого уровня поддержки Президента происходит рост патерналистских и конформистских настроений, которые начинают получать довольно широкое распространение и выражаются примерно в следующей формуле: «Мы Путина избрали, мы ему доверяем, и пускай он несет ответственность за все, что происходит в стране». Так, на вопрос о том, кто в российском обществе является «мотором общественных преобразований», были получены весьма красноречивые результаты:

- 45,4% – Президент РФ В. В. Путин;
- 35,3% – российский народ в целом;
- 23,4% – та часть населения, которая научилась жить в условиях рынка;
- 13,8% – предприниматели;
- 12,3% – ученые, работники образования.
- 11,9% – средства массовой информации;
- 10,7% – средний класс;
- 9,4% – Правительство РФ;
- 6,8% – российская армия;
- 6,7% – творческая интеллигенция;

3,1% – политические партии;

1,8% – Федеральное собрание (парламент).

Как явствует из выше приведенных данных проблема с субъектностью общественных преобразований в России стоит весьма остро. Политическая система, базирующаяся на фигуре одного человека, несомненно, не может быть устойчивой.

Ситуация усугубляется тем, что начинает отчетливо проявляться тенденция переносить негативное отношение к ельцинским элитам и кланово-олигархической системе власти, с которой борется Путин, на всех, кто так или иначе оппонирует президенту, критикует его. Это приводит к серьезным изменениям в отношении населения к роли и месту оппозиции в российской политике. Если еще четыре года назад 80% граждан считали оппозицию абсолютно необходимым условием для того, чтобы узурпация власти не была возможной, то сейчас 60,4% говорят о том, что основная задача оппозиции – не критиковать власть, а помогать ей. Лишь 14,8% по-прежнему видят эту задачу в критике власти и считают, что деятельность оппозиции никак не может быть ограничена, даже во имя «общественного согласия». При этом предполагается, что если это не так, то власть в принципе имеет право жестко с оппозицией бороться. В целом в общественном мнении идея оппозиции дискредитирована.

Все это происходит на фоне существенной политической «демобилизации» россиян. В последние годы происходит замыкание очень многих в рамках «ближнего круга», а свои гражданские интересы большинство населения склонно реализовывать в основном посредством участия в разного рода выборных кампаниях (самой простой и не требующей больших трат времени форме участия). Да и электоральная активность россиян от выборов к выборам снижается. Это обусловлено целым рядом причин, начиная от того, что из российской политики уходит дух соревновательности и заканчивая десубъективизацией российской политики, отрыва политических партий от интересов граждан.

Не случайно поэтому, адекватно, на первый взгляд, реагируя на сигналы внешней среды, многие россияне оказались в очень сложном положении, поскольку формирование своеобразной культуры неучастия оставили многих из них один на один с государством, с одной стороны, и с многообразием проблем, с которыми люди повседневно сталкиваются, – с другой. Впрочем, многие исследователи на Западе также бьют тревогу по поводу снижения интереса людей к совместным общим делам, результатом чего, по мнению, например, известного британского ученого З. Баумана «оказывается расширяющаяся пропасть между «общественным» и «частным», постепенный, но неуклонный упадок искусства перевода

частных проблем на язык общественных, и, наоборот, искусства поддерживать диалог, вдыхающий жизненную силу в любую политику»¹³.

В этой связи социальная апатия, стремление делегировать ответственность «наверх», В.Путину, представляет собой действительно серьезную угрозу для демократического развития страны. В то же время, как уже отмечалось, даже при высоком уровне поддержки президента, большинство россиян вовсе не «горят желанием» сконцентрировать всю полноту власти в его руках и приостановить деятельность, например, российского парламента, несмотря на то, что особой симпатии к нему никто не испытывает. Единственная мера, которая вызывает одобрение, и то далеко не у всех, – это «изъятие у «новых русских» неправомерно нажитых ими состояний».

Большинство россиян отчетливо понимает, что демократические институты, при всем своем несовершенстве, необходимы, в том числе и потому, что представляют собой своеобразную «страховочную сетку» от узурпации всей полноты власти бюрократией и олигархатом. Кроме того, историческая память народа сохраняет стойкое неприятие к любой «чрезвычайщине», которая никогда не решает старых проблем, но зато добавляет массу новых.

В целом, при всех сложностях осуществляемого в России «демократического транзита», страна вполне вписалась в контекст общемирового развития, в чем-то безусловно уступая «развитым демократиям», но одновременно процессы, происходящие в ней, являются адекватными тому этапу развития, на котором она находится и тем общественным настроениям, которые в ней доминируют.

¹³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. XIV.